

КОМБИНАЦИЯ СЕКСА И ЭГОИЗМА

Джеймс ОЛДРИДЖ

Читатели нашей газеты помнят статью Джеймса Олдриджа «Философия отчаяния». В ней писатель рассказывал о сущности фрейдизма — реакционного учения, являющегося во многом основой современного буржуазного искусства.

Сегодня мы публикуем новую статью Олдриджа, в которой автор на конкретных примерах показывает, как именно проявляется фрейдизм в различных произведениях литературы и искусства, в чем заключается тот вред, который наносит фрейдистская концепция личности творчеству многих, порой значительных и талантливых художников.

ПРОСЛЕДИТЬ влияние фрейдизма на современное западное искусство, проиллюстрировав его примерами из различных произведений, — задача не из легких. И не потому, что эти примеры трудно подобрать, ведь большая часть создаваемых ныне произведений литературы и искусства на Западе является полностью или частично фрейдистской.

Дело в том, что влияние Фрейда на Западе не ограничено какими-то рамками. Фрейдизм, по сути, стал у нас целой этической концепцией, а не простым механическим приложением к искусству, которое можно легко распознать и отличить от традиционных творческих методов. Но я все-таки попытаюсь привести конкретные примеры того, где и как действует фрейдизм.

Вначале, однако, вспомним некоторые основные положения фрейдизма. Фрейд не винит общество за человеческие несчастья, он винит наши изначальные низменные инстинкты. Эти инстинкты усиливаются и формируются окружающей средой, особенно в детстве, но человек остается их жертвой в течение всей своей жизни. Основой этих инстинктов являются секс или его многочисленные побочные проявления, как, например, комплекс Эдипа (все мы «желаем» наших матерей). Считается, что благодаря инстинктам в сознании человека существует тесная связь между голодом, любовью, самозащитой, страхом, и всякое действие обусловлено субъективным побуждением.

Эта обрисованная в общих чертах фрейдистская концепция человека оказала на современное западное искусство и литературу огромное влияние. Можно сказать, что сегодня на Западе почти вся литература пронизана сексом как доминирующим стимулятором.

Позвольте мне быть более конкретным и проанализировать роман Джона Брейна «Путь в высшее общество». Это история о феерической карьере Джоя Лемптона. Он попадает в высшее общество благодаря стремлениям, сотканым из комбинации секса и эгоизма, которые подавляют в нем черты порядочного человека. При этом успех Джоя настолько прочно связан с его физической отвагой, половыми влечениями и любовными победами, что конечный результат является абсолютно фрейдистским: Джой добивается своего, дав полную свободу своим инстинктам и хитро играя на низменных инстинктах других.

Правда, советский читатель мог бы спросить: что же здесь фрейдистского? Разве Джой не действует в полном соответствии с нормальной капиталистической моралью? Но в том-то и дело, что Фрейд догматизировал капиталистическую точку зрения «каждый для себя» как естественный закон, как естественную норму поведения человека. Для Джоя Лемптона «естественно» то, что он делает, ка-

ким бы печальным ни был исход для окружающих.

Апология человека, пытающегося решить свои социальные проблемы самоанализом, субъективными поисками, приспособлением к своему обществу, — в этом все более усиливающееся влияние фрейдизма на нашу литературу и искусство. По существу, это продолжение всех ранее существовавших субъективных и идеалистических взглядов, с той только разницей, что на сей раз философия оправдывает наиболее омерзительные, бесчеловечные стороны современного капитализма. Даже Гитлер мог бы быть оправдан по Фрейду, так как фрейдистская психология предполагает, что Гитлер «сидит» в каждом человеке.

Поэтому нет ничего удивительного, что западным писателям удается достигнуть значительных творческих успехов лишь тогда, когда они преодолевают влияние фрейдизма. Ярким примером этому может служить произведение нашего лучшего молодого писателя Алана Силлитоу «В субботу вечером, в воскресенье утром». Пол является источником жизненной силы для героя этой книги Артура Ситтона. Половое влечение — пульс его повседневного существования, отдых от однообразного труда, динамическая цель его будничной жизни. Силлитоу показывает при этом, что власть низменных половых инстинктов делает врагами всех людей, независимо от их социальной принадлежности.

Это, разумеется, фрейдистский взгляд на вещи.

Однако в книге Силлитоу есть и другая сторона. Артур Ситтон в ней также представлен как человек, живущий в современных джунглях, где господствуют волчьи законы. Это беспристрастная картина жестокой классовой борьбы «нас против них», причем жгучая классовая ненависть автора к «ним» нередко достигает прямо-таки анархической ярости. Эта ненависть и поднимает произведение Силлитоу выше обычных фрейдистских формул, придает ему качественно новый характер.

МОЖЕТ БЫТЬ, наиболее очевидно проявление фрейдизма в наших фильмах. Даже в значительных произведениях киноискусства Запада можно обнаружить его влияние. Разберем, к примеру, показанный в Советском Союзе фильм «Хиросима, любовь моя».

Этот фильм не сугубо фрейдистский, поскольку изображение любовных переживаний героев не заслоняет в нем изображения конкретного объективного события. Однако тесное переплетение в фильме призрачного сексуального воспоминания с воспоминанием о роковой атомной бомбардировке является уже чисто фрейдистским. Само событие при этом как бы отходит на второй план. Атомный взрыв в фильме становится лишь средством анализа эмоционального

хаоса одного лица, поводом для исследования трагедии мужчины и женщины с сексуальной точки зрения, причем исследование это превращается постепенно в самоцель. Но тем самым ослабляется общественное звучание картины.

Насколько пропитано фрейдизмом большинство французских фильмов. В них даже сложились определенные типы фрейдистского героя или героини. Классическая представительница такой героини — Брижит Бардо. Что же она собой представляет? Ее героини в определенной степени независимы, отнюдь не беззащитны, обладают известными правами, характером и даже силой, но тем не менее они созданы главным образом ради высшего полового господства мужчины.

Вы можете спросить: причем здесь Фрейд? Это же просто точка зрения французской буржуазии! Что ж, так оно и есть. То, что я говорил раньше о капитализме и Фрейде, уместно и в данном случае. Не Фрейд придумал так называемое «французское» отношение к женщине, скорее нравственная структура французского буржуазного общества породила такое отношение.

В этой связи вы можете также спросить: чем плоха Брижит Бардо и что дурного в сексе? Разве она не красива, а секс не естествен? Что же, это наверняка так. Брижит Бардо очень красива, а половой инстинкт сам по себе является одним из самых сложных и тонких моментов в психической жизни человека. Однако является ли он основной движущей силой, определяющей все наши поступки?

Как известно, Фрейд, считая, что большинство наших действий происходит из изначального, подавленного полового влечения, вульгарно и грубо-материалистически трактовал отношения полов. Он даже выделил из него прекрасное и поэтическое и превратил его в патентованное лекарство. Характерно, что и американская психиатрия рассматривает половое влечение не только как зло, но и как лечебное средство для случаев, когда пациент в некотором отношении плохо приспособлен к обществу. Но разве можно считать секс панацеей от всех общественных бед и неурядиц? Это ведь не только наивная, но и реакционная точка зрения!

Кроме того, важно не смешивать личность с ее искусством. Брижит Бардо — мужественная женщина, которая сопротивляется осязцам. Такой же была и Мэрилин Монро — доброй, искренней женщиной с трагической судьбой. Но их «искусство» является «искусством» по Фрейду.

МНОГООБРАЗНО использование фрейдистских концепций в современной западной драматургии.

В прошлом году в Лондоне была показана пьеса Джона Уайтинга «Дьяволы», которую многие счита-

ют лучшим произведением английской драмы за все послевоенное время. Это яркий пример того, как в мотивировке поступков действующих лиц половые влечения переплетаются с влиянием других подсознательных факторов. Ведь согласно Фрейду поведением человека управляет не только «зов пола», но и все другие «инстинкты», которым во избежание неприятностей тоже нужно дать полную свободу.

Пьеса рассказывает об одной монашке из средневекового женского монастыря во Франции. Фанатичка, она в то же время одержима плотской любовью к священнику. Одержимость монашки показана в пьесе как логический результат подавления ее естественных физических потребностей. Героиня доходит до такого иступления, что вовлекает весь монастырь в утонченные любовные оргии. Наконец, она грезит о связи со священником, о той связи, которая, ставшая реальностью, привела бы его к падению. В действительности же священник — распутник и грешник и в то же время глубокий интеллект, безнадежно ищущий доброе и хорошее в своей душе. Он находит спасение в разговоре с неким люмпеном, который чистит канализационные трубы, а также в своих последних физических страданиях (подробно показанных на сцене) в тот момент, когда инквизиция пытается его.

Искушение через деградацию и физические страдания предлагается как единственный путь спасения для человека. Это уже не столько догма римской католической церкви, сколько догма Фрейда об инстинктах, освобождаемых от социальной замкнутости, социальной ответственности, от того, что Фрейд называл «сдерживающими факторами».

Джон Уайтинг, однако, не оригинален. Простые примеры той же концепции можно найти у Камю, Сартра, Ануйя, Фолкнера, Юджина О'Нейла, Теннесси Уильямса, Хаксли, Грэхэма Грина и т. д. Это один из самых излюбленных методов фрейдистской драмы.

Я БЫ МОГ ПРОДОЛЖИТЬ перечень примеров. Мы живем среди них, это неотъемлемая черта нашей культурной атмосферы. Даже открыв утром газету, вы можете найти что-нибудь в этом фрейдистском духе почти на каждой странице: любовные драмы, объявления с двусмысленным подтекстом, ленты полупорнографических комиксов. Наши газеты несут ответственность за проповедь половых инстинктов в их наиболее омерзительных формах.

Показ ужасов в комиксах, в фильмах, воспитание детей, особенно в Америке, по принципу «делай, что хочешь», так как «сдерживание» приводит к дурным последствиям, — все это пронизывает все сферы нашей жизни. И все это является фрейдистским не столько по своему происхождению, сколько по «оправданию».

В сущности, я лишь показал здесь наиболее очевидную сторону фрейдизма. Действительная опасность менее заметна и гораздо глубже. Современные формы насилия, попытки сделать нашу молодежь аморальной и лишить ее нравственных ценностей, предположение, что подлинный идеал — это просто эгоистичное стремление доставить удовлетворение некоторой преходящей части наших сдерживаемых инстинктов, — таковы действительные проявления философии Фрейда.

Я НЕ КОСНУЛСЯ живописи, так как это требует специального изучения. Скажу лишь следующее. Самоанализ и исследование индивидуальных эмоций, с исключением всего остального, — основа нашего современного абстрактного искусства, являющегося в свою очередь ценой, которой мы расплачиваемся за фрейдизм. Я, правда, не против всего абстрактного искусства, так как не считаю, что все оно только субъективно. Историческое абстрактное искусство уже сыграло свою важную роль в приспособлениях, оформляющих нашу жизнь. Оно также значительно расширило наше понятие о пространстве и пропорциях предметов. Но художник-абстракционист сегодня мертв еще до того, как он начинает свою деятельность. Историческая роль этой формы искусства также «мертва». И все, что осталось от него, — это фрейдистский самоанализ человека, стремящегося объяснить свой собственный хаос сугубо личными категориями.

Я восхищаюсь многими писателями и художниками, отдавшими дань фрейдизму, в частности замечательным американским писателем Скоттом Фицджеральдом. Эти деятели культуры — часть нашей истории, часть исторического воззрения нашего времени. Фолкнер, Пикассо, Матисс, Кле — все эти художники во многом субъективисты, но в то же время они поднялись выше своей субъективности к чему-то новому. И именно антифрейдистский аспект деятельности спасает их.

Когда я замечаю какую-либо форму абстрактного искусства, развивающуюся в социалистических странах, передо мной встает вопрос: учитывают ли деятели искусства социалистических стран что-либо из исторического опыта нашего капиталистического мира — того опыта и противоречий, которые породили фрейдизм? Ведь фрейдизм является отражением наших условий на последней, умирающей стадии капиталистической морали, стадии, на которой Фрейд стал признанным философом. Есть ли место для такого же образа мышления в социалистическом мире?

Я надеюсь, что социалистический мир никогда не будет страдать фрейдистской болезнью «клинического», как мы страдаем от нее в настоящее время.